

Двенадцатого декабря, когда Его Величество, лично возглавивший поход, с триумфом вернулся в столицу, народ ликовал, едва завидев приближающиеся войска.

Городские ворота были распахнуты настежь, приветствуя победителя. Его Величество, облаченный в тяжелые боевые доспехи, двигался в окружении личной гвардии и грозных воинов армии Ци. Знамена гордо развевались на ветру, и по мере приближения армии к столице восторженные крики толпы становились всё громче и неистовее. Император Великой Юань полжизни провел в седле, ведя непрерывные войны. Именно благодаря тому, что он, не зная сна и отдыха, лично вел войска в бой, подданные Великой Юань могли наслаждаться нынешним миром и спокойствием.

Весть о том, что Его Величество лично прибыл на границу, обезглавил военачальника варваров и завоевал для Великой Юань тринадцать городов, уже давно разлетелась по всей стране, подогревая патриотический пыл людей.

Тяжелая кавалерия вошла в город, и земля буквально содрогалась под копытами могучих боевых коней. Народ с благоговением и трепетом взирал на величественного правителя, за спиной которого следовала несметная, дисциплинированная рать.

Армия Ци торжественно вошла в столицу вместе с императором. Весь город был охвачен праздничным ликованием, и лишь когда они достигли стен императорского дворца, воины наконец сложили оружие, а за пределами города был разбит лагерь.

- Поздравляем Ваше Величество с великой победой! - хором воскликнули собравшиеся здесь чиновники.

Громкое «Да здравствует император!» эхом разнеслось над площадью.

Подвиги императора, лично возглавившего поход и наголову разгромившего северных варваров, были у всех на устах и стали главной темой всех разговоров.

Сразу по возвращении во дворец император, не теряя времени, созвал государственное совещание.

Сбросив тяжелые доспехи и облачившись в роскошный желтый халат, император вошел в главный зал, где в тот же миг воцарилась торжественная, почти осязаемая тишина.

Нынешним процветанием Великая Юань была обязана не только народной молве о победном походе, но и самому императору. В юности он прошел через суровое горнило войн, захватив множество городов, и еще до наступления полной зрелости достиг такого влияния, что стал серьезной угрозой для власти старого императора. Позже, когда тот оказался при смерти, он поднял мятеж и взошел на престол. Став правителем, он продолжил укреплять государство военной силой, значительно расширив границы Великой Юань. Эта победа над северными варварами и их окончательное изгнание за пределы Северной Юань обеспечили границам империи долгожданный покой на ближайшие десять лет.

Гражданские и военные чиновники склонились в глубоком, почтительном поклоне. Император, находящийся в самом расцвете своих сил, излучал мощную властную ауру, закаленную в бесконечных кровавых сражениях. Никто не смел поднять глаз на его святой лик, пока он не взмахнул рукой, позволяя всем наконец подняться.

Весть о том, что на первом же совещании после возвращения император щедро наградил отличившихся военачальников и объявил о всеобщей амнистии, стремительно достигла внутренних покоев дворца.

В гареме наложницы суетились и прихорашивались, с трепетом готовясь к долгожданной встрече с императором.

В день рождения вдовствующей императрицы Сяо все наложницы собрались во дворце Милосердного Спокойствия, чтобы засвидетельствовать ей свое глубочайшее почтение.

Как только Ин Фушэн вошел в зал, он почувствовал на себе десятки любопытных взглядов. Будучи принцем, которого вдовствующая императрица оставила у себя погостить, он неизбежно привлекал к себе всеобщее внимание.

За несколько дней отдыха его лицо заметно посвежело. Несмотря на то что после перенесенной сильной лихорадки тело всё еще ощущало слабость, а сам он заметно похудел, он выглядел гораздо лучше, чем в те мрачные дни во дворце Бесконечной Радости. Среди множества устремленных на него взглядов был и взгляд наложницы Нин. После того как ее надолго заточили в четырех стенах, а все ее дела передали другим, она несколько раз пыталась вызвать Ин Фушэна к себе, даже притворялась больной, но он всё не возвращался во дворец, и лишь сегодня ей наконец удалось его увидеть.

Вновь встретившись с наложницей Нин, Ин Фушэн заметил, что она стала гораздо сдержаннее и перед вдовствующей императрицей вела себя безупречно. Когда Ин Фушэн подошел к ней, на ее лице сияла самая ласковая и нежная улыбка, а слова были полны показной заботы – она до смерти боялась допустить хоть малейшую оплошность на глазах у вдовствующей императрицы.

- Матушка, - произнес Ин Фушэн.

- Шэн-эр, тебе стало лучше? - улыбаясь и опасаясь вызвать недовольство вдовствующей императрицы, спросила наложница Нин. - Вечером будет праздничный банкет, вернись во дворец Бесконечной Радости и переоденься.

После инцидента в павильоне Любования Луной из клана Нин пришло известие, что она поступила опрометчиво, и с тех пор она была вне себя от ярости. Однако теперь, глядя на то, что этот «выкормыш» пошел на поправку, ей приходилось сохранять любезный тон.

Заметив, что вдовствующая императрица внимательно поглядывает в их сторону, Ин Фушэн послушно кивнул.

Видя покорность Ин Фушэна, наложница Нин немного успокоилась – к счастью, за полмесяца разлуки ребенок не стал ей совсем чужим. Но когда Ин Фушэн подошел к вдовствующей императрице, чтобы поклониться, ее взгляд внезапно потемнел. «Разве я не велела подсыпать ему лекарство в эти дни?» - подумала она.

Служанка Бичжу дала четкие указания тому тупоголовому евнуху, сказав, что это всего лишь порошок солодки, предназначенный для того, чтобы снять горечь лекарств для шестого принца.

Тот евнух наивно поверил, и она даже несколько раз лично ходила в аптеку, чтобы убедиться, что он действительно подсыпает порошок.

Теперь же, видя состояние шестого принца, она не могла найти этому никакого объяснения и лишь подумала: «Должно быть, в последнее время лекари из Императорской больницы дают ему слишком много укрепляющих средств...»

Никто не знал, какие именно секретные рецепты и снадобья выписывали личные лекари вдовствующей императрицы Сяо.

Бичжу, разумеется, не смела действовать слишком открыто или рисковать, поэтому дозировка того, что она подсыпала, была минимальной, почти незаметной.

Наложница Нин видела, что Ин Фушэн сейчас выглядит как человек, который только что с трудом оправился от крайне тяжелой, изнуряющей болезни. Вероятно, рецепты лекаря Чу действительно оказались чудодейственными, раз этот «выкормыш» вообще смог подняться с постели и стоять на своих ногах. Она с легким раздражением подумала про себя: «Ишь, какой живучий оказался».

- Госпожа, - прошептала Бичжу, прекрасно зная капризный и мстительный нрав своей госпожи, - как нам быть с подарком от принца?

Наложница Нин прекрасно понимала, что участие Ин Фушэна в предстоящем банкете - дело уже решенное и неизбежное. Если он сам не подготовил достойный подарок, ей, как его матери, придется взять это на себя и сделать всё за него. В этом и заключался главный минус его юного возраста: если она не позаботится о подношении, окружающие и, что важнее, вдовствующая императрица сочтут её плохой, невнимательной матерью. Желая не привлекать к себе лишнего внимания и не вызывать подозрений, она решила, что подарок должен быть подчеркнута скромным и подобающим его положению:

- Отдели небольшую часть от моего собственного подарка, пусть это будет подношением от него. Прикажи его слугам передать это в соответствующие руки.

В её понимании сойдет и что-нибудь самое первое попавшееся под руку, лишь бы формальность была соблюдена.

После того как все присутствующие засвидетельствовали свое глубочайшее почтение вдовствующей императрице Сяо, обитатели дворцов начали суетиться и готовиться к торжественному вечернему банкету.

Вернувшись во дворец Бесконечной Радости, Ин Фушэн увидел подарки, которые уже были подготовлены другими слугами по приказу наложницы Нин. Он бегло, почти равнодушно осмотрел их, выбрал несколько слишком роскошных и вычурных вещей и спокойным тоном велел Сунъаню немедленно убрать их обратно в кладовую.

Сунъань, стоявший рядом, был совершенно опешен. Наложница Нин и так почти ничего не выделила для принца, и те вещи, что остались, казались самыми подходящими и уместными.

- Ваше Высочество? - с недоумением переспросил он.

Ин Фушэн не стал ничего объяснять и пускаться в долгие рассуждения, лишь молча вложил два свитка с изысканной каллиграфией и живописью в подарок для вдовствующей императрицы. После этого он строго велел Суньяню следить за тем, чтобы другие слуги больше не смели трогать или изменять его подношения.

Когда в воздухе зазвучали первые аккорды музыки, на город опустились глубокие сумерки.

Павильон Любования Луной был буквально залит яркими огнями фонарей. Изящные певицы и искусные музыканты уже вышли на сцену, чтобы начать торжественное празднество. Это был первый масштабный банкет после триумфального возвращения Его Величества, поэтому Управление церемоний и Министерство обрядов не смели проявить ни малейшей небрежности в организации. Весь банкет проходил в атмосфере всеобщего, почти шумного веселья; повсюду слышались песни и кружились в танце пары.

Когда Ин Фушэн наконец пришел, он на мгновение замер на месте, почти ослепленный ярким, резким светом, заливавшим павильон Любования Луной.

Во дворце Бесконечной Радости он долгое время был тяжело болен и заперт в четырех стенах, а во дворце Милосердного Спокойствия всегда царила строгая, гнетущая тишина. С самого момента своего перерождения он впервые оказался в таком многолюдном и шумном месте. Он молча смотрел на пары чиновников и их многочисленных родственников, торжественно входящих в павильон. Шум праздника, доносившийся до его ушей, внезапно показался ему пронзительным, ледяным свистом холодного ветра, отчего ладони невольно вспотели. Он резко тряхнул головой, отгоняя наваждение, и заставил себя привыкнуть к окружающей суете и блеску.

Юные принцы и принцессы стояли немного в стороне от взрослых. Как только Ин Фушэн приблизился к ним, все присутствующие тут же обратили на него свое внимание. Членов императорской семьи было не так уж много, и каждый принц или принцесса хотя бы раз появлялись на подобных банкетах, за исключением шестого принца. Шестой принц с самого детства был болезненным и слабым, с самого начала обучения он часто пропускал занятия по состоянию здоровья, а в обычные дни почти не общался с братьями и сестрами, оставаясь замкнутым, молчаливым и почти невидимым.

Увидев его, остальные лишь окинули его оценивающими, холодными взглядами, но никто не

счел нужным подойти и поздороваться.

Вскоре вокруг него образовалась почти физически ощутимая пустота.

Отчуждение и нескрываемое любопытство окружающих были более чем очевидны, но Ин Фушэн, словно совершенно не замечая этого, уверенно направился прямо к наследному принцу и, подойдя к нему, почтительно поклонился:

- Старший брат.

Только в этот момент наследный принц будто бы действительно заметил присутствие Ин Фушэна. Он мягко улыбнулся и произнес:

- Шестой брат, кажется, тебе действительно стало лучше.

Затем он с легкой улыбкой представил Ин Фушэна остальным членам семьи. Услышав слова наследного принца, люди обменялись парой дежурных, вежливых фраз, но по-прежнему никто не подошел ближе и не попытался завести настоящий разговор.

Атмосфера стала неловкой и натянутой, и наследный принц, словно внезапно спохватившись, пояснил:

- Шестой брат очень редко выходит из своего дворца, поэтому они все немного отвыкли от тебя.

В уголках глаз наследного принца играла едва заметная, лукавая улыбка. Он сделал небольшую паузу и с явным намеком спросил:

- Шестой брат ведь не обижается на них?

Ин Фушэн молча смотрел на него. Любой другой старший брат в такой ситуации хотя бы попытался помочь младшему познакомиться с остальными поближе, сгладить углы. Наследный принц же, искусно изображая заботу и доброту, на самом деле лишь еще больше отдалил его от остальных, не сказав ни единого слова, чтобы действительно пригласить его в этот узкий, привилегированный круг.

К чужой злобе и скрытой неприязни Ин Фушэн привык задолго до этого дня. Он спокойно ответил:

- Конечно, нет.

Ин Фушэн хранил молчание, но краем глаза внимательно наблюдал за окружающими его принцами и высокопоставленными чиновниками - все они были людьми, обладавшими колоссальным влиянием при императорском дворе.

В этот самый момент он заметил, как остальные, обменявшись многозначительными взглядами, потянулись к наследному принцу, стараясь занять место как можно ближе к нему.

Наследный принц довольно и самодовольно улыбнулся. Ин Фушэн оставался молчаливым и незаметным, а другие принцы и принцессы даже не пытались приблизиться к нему. В итоге, когда все сгрудились вокруг наследного принца, шестой принц и вовсе остался в полном одиночестве. В глазах наследного принца мелькнуло торжество и глубокое удовлетворение; он продолжил оживленно беседовать с остальными, намеренно оставив Ин Фушэна позади, в тени.

Ин Фушэн мысленно прикинул время и, уловив нарастающий шум, посмотрел вдаль, туда, где начинался путь к павильону.

Началось.

На банкете царило общее оживление; вечер стремительно приближался, и музыка зазвучала с новой силой.

Внезапно слуги громко и торжественно возвестили о прибытии высокопоставленных особ, и вдали показались несколько величественных фигур.

Вдовствующая императрица Сяо прибыла.

Ее сопровождала императрица Суй, а следом, словно шлейф, следовали наложницы гарема.

Заметив их, Ин Фушэн слегка вздрогнул. Его взгляд невольно упал на императрицу Суй,

шедшую плечом к плечу с вдовствующей императрицей. Сегодня она была облачена не в свои привычные, подчеркнута скромные наряды, а в роскошное платье, расшитое золотыми фениксами, которые, казалось, оживали при каждом ее движении. Она выглядела по-настоящему величественно и роскошно, полностью соответствуя своему статусу матери Поднебесной. С тех самых пор, как он впервые встретился с ней во дворце Милосердного Спокойствия, Ин Фушэн заметил, что она почти не изменилась с тех лет, когда была совсем молодой.

В своей прошлой жизни он однажды видел ее издалека, когда она выходила в свет в полном парадном облачении – и тогда она выглядела точно так же, словно время не имело над ней власти.

Императрица Сюй шла медленно и грациозно, поддерживая вдовствующую императрицу Сяо, и чиновники вместе со своими семьями поспешно, почти в один миг, склонились в глубоком поклоне.

Когда процессия проходила через центральный зал, члены императорской семьи также склонились в приветствии. Наследный принц, заметив, что Ин Фушэн всё еще стоит совсем рядом, недовольно нахмурился, но ничего не сказал вслух и вышел вперед, чтобы возглавить общее приветствие.

Ин Фушэн заметил наложницу Нин среди других наложниц – она украдкой, с плохо скрываемым интересом, поглядывала на наследного принца.

Подумав об этом, он сделал несколько уверенных шагов вперед и, склонившись в поклоне, занял место прямо позади наследного принца.

Вдовствующая императрица Сяо легким взмахом руки разрешила всем подняться, и в воздухе тут же поплыли благовейные пожелания долголетия и здоровья.

– Это и есть шестой принц? – вполголоса спросила одна из знатных дам.

Наложница Нин, стоявшая неподалеку, услышав этот вопрос, резко обернулась. Она всё это время пристально следила за наследным принцем и вдруг с изумлением обнаружила, что Ин Фушэн неизвестно когда успел оказаться совсем рядом с ним.

Окружающие также обратили внимание на эту сцену. Наследный принц был истинным воплощением императорского величия, а принцы и принцессы, стоявшие за его спиной,

казались лучшими из лучших. Однако сегодня фигура, оказавшаяся рядом с ним, показалась многим незнакомой. Чиновники присмотрелись внимательнее: принц был худощав, но, немного подросши, он стал поразительно похож на наследного принца, особенно когда они стояли так близко друг к другу.

Обычные люди, глядя на них, видели лишь естественное сходство между братьями. Раньше лицо Ин Фушэна было более пухлым и детским, но после перенесенной тяжелой болезни оно заострилось, и черты лица стали пугающе напоминать черты наследного принца.

Ин Фушэн, казалось, почувствовал на себе взгляд наложницы Нин и, закончив поклон, медленно поднял глаза и посмотрел прямо на нее.

От этого прямого, пронзительного взгляда наложница Нин буквально застыла на месте. Раньше она не замечала этого сходства, но теперь, когда этот «выкормыш» был облачен в парадное дворцовое одеяние, его взгляд стал до боли, до дрожи похож на взгляд императрицы Сюй!

Видя, что все вокруг продолжают стоять, она в тревоге и смятении сделала несколько шагов вперед, но императрица Сюй мгновенно заметила это движение.

Императрица Сюй в последний раз видела ребенка во дворце Милосердного Спокойствия. С тех пор прошло некоторое время, и хотя сейчас, даже издали, он казался заметно похудевшим, в его облике чувствовалось больше бодрости и жизни, чем в тот день. Болезнь отступала медленно, шаг за шагом, но, несмотря на общую слабость, он присутствовал на банкете, безукоризненно соблюдая все тонкости и строгие правила дворцового этикета. Она с нескрываемым любопытством присмотрелась к нему и, обратившись к наложнице Нин, тихо спросила:

- Ему стало лучше?

От этого простого, но неожиданного вопроса наложница Нин мгновенно покрылась холодным потом. В голове вспыхнула паническая мысль: ей следовало дать ему куда более сильное, более действенное лекарство, чтобы он не смог даже приподняться с постели, не говоря уже о том, чтобы выйти в свет. Чем больше она обдумывала эту ошибку, тем сильнее нарастало ее внутреннее напряжение. Императрица Сюй задала вопрос, и теперь все остальные присутствующие также обратили свое внимание на этого «выкормыша». В охватившей ее панике наложница Нин выпалила первое, что пришло в голову:

- Этот ребенок такой неразумный, что в такую холодную погоду даже не взял с собой ручную грелку! - сказав это, она попыталась воспользоваться случаем, чтобы подойти к сыну поближе и под этим благовидным предлогом поскорее увести Ин Фушэна подальше от внимательных

глаз.

Однако Ин Фушэн не позволил ей этого сделать – он пришел на этот банкет именно для того, чтобы показаться людям и заявить о своем присутствии. Заметив приближающуюся наложницу Нин, он сделал еще несколько уверенных шагов в сторону наследного принца. Вокруг него плотным кольцом стояли люди, и он намеренно оказался в самой глубине этой группы. Наложница Нин отчаянно хотела подойти к нему, но из-за плотной толпы не могла пробиться, и все ее попытки выглядели неловко и даже жалко.

Вдовствующая императрица Сяо, заметив эту суету, бросила на нее один единственный холодный взгляд, и наложнице Нин пришлось немедленно остановиться.

Ин Фушэн продолжал следовать за наследным принцем, с безупречной точностью соблюдая все правила приличия перед вдовствующей императрицей. Та, вспоминая их общение в последние дни, была весьма хорошего мнения о ребенке. Она знала, что он крайне редко бывал на подобных банкетах, но теперь видела, что он ведет себя достойно, сдержанно и спокойно, в отличие от других, излишне шумных и суетливых принцев.

Услышав шепот окружающих и еще раз внимательно присмотревшись к нему, вдовствующая императрица Сяо подумала, что теперь, когда его лицо стало более худым и заострилось, он похож не столько на наследного принца, сколько на самого императора в годы его молодости.

Наложница Нин, видя, что подойти к сыну самостоятельно она не в силах, поспешно отправила Бичжу за Ин Фушэном – этот банкет был слишком важен, и она не могла допустить ни единой оплошности, которая могла бы бросить тень на ее репутацию. Пока она отдавала распоряжения служанке, до ее слуха донеслись слова вдовствующей императрицы.

Вдовствующая императрица Сяо произнесла спокойным, но не терпящим возражений тоном:

– Сяо Лю уже подрос, отведите его на место для принцев.

От этих слов не только наложница Нин, но и сам наследный принц на мгновение замерли от неожиданности.

Места для принцев находились сбоку от главного ряда, и, за исключением почетного места наследного принца, остальные предназначались исключительно для тех, кто уже переехал в собственные покои принцев или построил свой личный дворец за пределами основного дворцового комплекса.

В глазах Ин Фушэна на мгновение мелькнуло искреннее удивление. Он знал, что бабушка в последнее время стала относиться к нему мягче и теплее, но никак не ожидал, что она решит официально изменить его положение именно в этот момент и при всех.

Императрица Сюй, напротив, не выразила никакого удивления:

- По возрасту ему действительно давно пора занять место принца.

Обычно шестой принц настолько редко появлялся на банкетах, да и из-за своей болезненной внешности казался намного младше своих лет. Однако после слов императрицы Сюй присутствующие внезапно вспомнили, что он ровесник наследного принца и уже достиг того возраста, когда по законам двора пора становиться самостоятельным.

Все присутствующие посмотрели на Ин Фушэна, а тот, сохранив спокойствие, почтительно поклонился:

- Благодарю, бабушка.

Императрица Сюй, заметив смятение наложницы Нин, приказала слугам:

- Принесите шестому принцу ручную грелку, чтобы наложница Нин больше не волновалась.

Ин Фушэн на секунду помедлил, а затем ответил:

- Благодарю, Ваше Величество.

Наложница Нин впиалась ногтями в свой шелковый платок, и ее паника была почти физически ощутима, отражаясь на искаженном лице.

Но раз вдовствующая императрица Сяо и императрица Сюй отдали прямой приказ, она не могла ослушаться или возразить, особенно в такой знаменательный день, как день рождения вдовствующей императрицы.

Не успела она придумать новый план действий, как вдалеке раздался громкий, пронзительный голос глашатая.

Все присутствующие синхронно обернулись, и Ин Фушэн увидел вдали величественную фигуру в ярко-желтом императорском одеянии.

- Его Величество прибыл! - разнесся по площади длинный, торжественный возглас, и при виде императора все мгновенно замолчали и склонились в глубоком, благоговейном поклоне.

<http://bllate.org/book/18055/1731078>